
М. ГАРДЗАНИТИ

Священное Писание и *auctoritates* у Максима Грека¹

В русской историографии Максим Грек обычно предстает как образец византийского православия, выступающий против распространения западной культуры, и в то же время как поборник наиболее аутентичной традиции русского монашества, которое в первой половине XVI в. переживало эпоху глубоких преобразований. Только в области исправления перевода Священного Писания и вообще переводческой практики ученые единодушно признают за ним роль новатора.²

В свете имеющихся у нас знаний этот образ, тем не менее, представляется достаточно противоречивым и побуждает нас иначе взглянуть на личность и труды Максима Грека. Редактирование славянских переводов, начиная с его первой работы над славянской версией Толковой Псалтыри (1518), свидетельствует о новаторском духе, который, по нашему мнению, становится ключом для понимания как культурной, так и церковной деятельности преподобного Максима.

Таким образом, необходимо более глубоко изучить подход Максима Грека к Священному Писанию и другим источникам, к которым он часто обращается в своих сочинениях, как и его рассуждения о переводческой де-

¹ В данном исследовании представлены в разработанном виде рассуждения, высказанные на международном семинаре «Максим Грек, Флоренция и Итальянский Гуманизм» (Флоренция, 22–23 ноября 2007 г.), материалы которого были опубликованы на итальянском языке в *Studi slavistici: Forum MASSIMO IL GRECO, FIRENZE E L'UMANESIMO ITALIANO* / A cura di M. Garzaniti, F. Romoli. Firenze, 2010. P. 239–394 (*Studi slavistici*; Т. 7).

² Обширная библиография о Максиме Греке содержится в исследовании А. И. Иванова (*Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека*. Л., 1969); в последующие годы см. статью о греческом монахе, написанную Д. М. Буланиным (*Буланин Д. М. Максим Грек // Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 2. С. 89–98.). Помимо издания XIX века (*Сочинения преподобного Максима Грека*. Казань, 1859–1862. Т. 1–3; 2-е изд. 1894–1897), мы наконец располагаем 1-м томом нового издания произведений Максима Грека, осуществляемого под редакцией Н. В. Сеницыной (*Преподобный Максим Грек. Сочинения* / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2008. Т. 1). Критический обзор истории изучения о нем можно найти в нашем исследовании (*Garzaniti M. La riscoperta di Massimo il Greco e la ricezione dell'Umanesimo italiano in Russia // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff* / A cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina. Firenze, 2008. P. 173–183).

тельности в целом, чтобы выявить в них связь с его обучением в Италии, в частности, во Флоренции, а также с его решением стать афонским монахом. Это был решительный шаг, который подтверждает полное принятие Максимом Греком учения греческих святых отцов и византийской традиции монашества.

В церковнославянской литературе, получившей распространение в России в начале XVI в., преобладала книжная культура литургического и монашеского характера. Лет за двадцать до приезда Максима Грека по поручению архиепископа Новгородского Геннадия был осуществлен первый полный перевод Библии, который дошел до нас. Он был отредактирован на основе латинских источников группой специалистов, среди которых был Дмитрий Герасимов, ставший впоследствии помощником Максима Грека. В *Slavia orthodoxa* перевод Библии была представлен по большей части в раздробленной форме литургических чтений и с различными искажениями и вариантами, возникшими как по вине недостаточной подготовленности переводчиков и переписчиков, так и в результате влияния говоров, распространенных на той территории, где переписывались тексты. Под видом цитат или целых вставок, более или менее толкуемых, в литургические и монашеские книги Священное Писание вошло особой частью, называемой «священные книги», что значительно затруднило различение жанров и форм, нацеленное, помимо образования, также на литургическую практику и исправление нравов. На Руси апологетическая литература, недостаточно развитая в предыдущие века, получила новый импульс к развитию благодаря полемике, которая последовала за решениями Флорентийского Собора (1439), когда русская церковь разделилась на автокефальную Московскую митрополию и на Киевскую митрополию, подчинявшуюся непосредственно константинопольскому патриарху. Именно в результате этих литературных дискуссий родилась идея Третьего Рима.³ В то же время православие видело угрозу своей целостности и в самом Московском княжестве по причине появления течений, более открытых влиянию западного мира и выразившихся в так называемой «ереси жидовствующих»,⁴ а также из-за внутренних споров вокруг монашества, в которые был вовлечен позже и сам Максим Грек. Эти два вопроса переплетаются в деятельности двух крупнейших реформаторов русского монашества Нила Сорского (1433–1508) и Иосифа Волоцкого (ум. 1515), которые часто несправедливо противопоставлялись.⁵

³ Симицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998; Гардзанити М. Библия и эгзегеза в России начала XVI века: Новая интерпретация «Послания» старца псковского Елеазаровского монастыря Филофея дьяку Мисюрю Григорьевичу Мунехину // Славяноведение. 2003. № 2. С. 24–35. (Переизд. в: *Biblical Quotations in Slavonic Literature. XIII International Congress of Slavists* (Ljubljana, 15–21 August 2003). Panel. Papers. Pisa, 2003).

⁴ Объяснение их происхождения и основных особенностей кардинально расходятся, однако нельзя отрицать влияния реформаторских течений, присутствовавших в западном мире (*De Michelis C. G. La Valdesma di Novgorod. «Giudaizzanti» e prima riforma*. Torino, 1993).

⁵ Новейшая историография преодолела устаревшие представления о противоположных позициях по вопросам о монашеской собственности и обвинения еретиков,

Когда преподобный Максим прибыл в Москву (1516) после десятилетнего пребывания на Афоне, он приступил к своей работе, совершенно не зная нового культурного контекста и даже языка (он начал изучать язык во время своего длительного путешествия). В своих первых трудах Максим Грек пользовался латинским языком, а его русские помощники, Василий-Власий и Дмитрий Герасимов в свою очередь переводили с латыни на славянский язык. Таким образом, вначале Максим Грек возобновил в России ту деятельность, хотя и в рамках Священного Писания, которой прежде он занимался в Италии, во Флоренции, и прежде всего в Мирандоле, когда, будучи секретарем Джанфранческо Пико, племянника Джованни делла Мирандола, помогал тому с переводом на латинский язык греческого анонимного трактата *De Monarchia Dei*.⁶ С трудностями, связанными с изданием греческого текста Священного Писания, преподобный Максим был знаком давно. Еще в Венеции, до своего отъезда из Италии в 1506 г.,⁷ он сотрудничал с Мануцием. Около 1497 г. венецианский печатник издал греческую Псалтырь под редакцией Декадия и интересный Часослов, переведенный с латыни на греческий (второе издание было осуществлено около 1505 г.).⁸ Самую большую трудность для Максима Грека в первые годы его пребывания в России представляло, без всякого сомнения, недостаточное знание славянского языка. Впоследствии во время процесса он открыто признает это, защищаясь от обвинений в ереси.⁹

Священное Писание и *auctoritas* (авторитетность) источников

В своих сочинениях Максим Грек осознает традиционное разграничение, присутствующее в западной схоластике, между Священным Писанием, патристикой и античной философией, переданной «эллинскими» книгами. Центральное место в его трудах занимает Священное Писание. Именно оно становится главным *auctoritas* (наиболее авторитетным источником), который часто дополняется комментариями отцов церкви и реже цитатами античных философов. Наличие многочисленных источников, наделенных разной степенью авторитетности, которые последовательно применяются

которые будто бы занимали Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. В действительности оба деятеля оказываются намного ближе в сравнении с прошлыми интерпретациями и оба в своей сущности родственны традиционному русскому монашеству (ср. комментированную библиографию в: Nil Sorsky: *The Authentic Writings* / Ed. by D. M. Goldfrank. Kalamazoo, Michigan, 2008).

⁶ См.: *Denissoff E.* Maxime le Grek et l'Occident: Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943. P. 231.

⁷ См.: *Sinicyna N. V.* Umanesimo e vocazione monastica nella biografia e nell'opera di Massimo il Greco // *Studi slavistici*. Firenze, 2010. Т. 7. P. 325.

⁸ Это последнее издание, как заметил Р. Флогауз, было переплетено вместе с краткой *Introductio ad litteras graecas*, которое содержало религиозные тексты греческой и латинской традиции (*Flogaus R.* Aldus Manutius and the Printing of Greek Liturgical Texts // *Miscellanea Marciana*. Venezia, 2005–2007. Т. 20. P. 221).

⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 1. С. 33.

как для доказательства того или иного тезиса, так и для создания определения представляет, на наш взгляд, существенную новизну для русской культурной традиции.

В прошлом Б. Шульце тщательно проанализировал различные источники, к которым обращался греческий монах в своих трудах, начиная с критики латинского мира, и подчеркивал глубокую эрудицию Максима Грека как в церковной сфере, так и в светской культуре по сравнению со средним уровнем русского общества той эпохи. В последующем Д. М. Буланин настаивал на важности цитат и реминисценций из античных классиков в произведениях Максима Грека, сосредоточившись на проблеме определения источников, среди которых особо выделялся Лексикон Свиды.¹⁰ Однако оба исследователя вообще не обращают внимания на тот факт, что Максим Грек использует источники для доказательства своих утверждений, руководствуясь определенным иерархическим принципом и строгой логикой. Разница подхода Максима Грека и традиционной церковнославянской литературы очевидна. Всего за несколько лет до его приезда в Россию Нил Сорский при составлении так называемого Устава, ставшего самым важным произведением его жизни, назвал еще «священными» или «божественными писаниями» целый комплекс библейских, патристических и литургических текстов, о чем русский старец говорит в заключительной части своего труда. В то же время цитаты, прежде всего из Священного Писания, в его Уставе направленные на упражнения в аскезе и молитве, появляются на горизонте традиционной монашеской литературы.¹¹

Чтобы продемонстрировать тот факт, что греческий монах в своих сочинениях использует цитаты по иерархическому принципу, достаточно рассмотреть лишь некоторые наиболее значимые из этих сочинений, принадлежащие разным периодам и литературным жанрам. Для более полного анализа трудов Максима Грека, созданных во время его долгого пребывания в России, необходимо дождаться завершения их нового издания под редакцией Н. В. Синецкой.¹² В первую очередь, мы хотели бы рассмотреть Послание к великому князю Московскому Василию III о переводе Толковой Псалтыри (далее — Послание к великому князю) 1522 г., ставшее одним из первых «русских» сочинений афонского монаха.¹³ Особое место в нашем исследовании занимает «Повесть страшна и достопамятна монаха Максима Грека и о совершенном иноческом жительстве» (далее — Повесть),¹⁴ в которой речь идет о происхождении и образе жизни картезиан-

¹⁰ *Schultze B. Maksim Grek als Theologe. Roma, 1963 (OCA 167); Буланин Д. М. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека // ТОДРЛ. СПб., 1979. Т. 33. С. 66–79.*

¹¹ Об этом см. недавний перевод на английский язык произведений русского старца под ред. Д. М. Голдфранка, особенно внимательного к источникам (*Nil Sorsky: The Authentic Writings*).

¹² *Преподобный Максим Грек. Сочинения.*

¹³ Там же. С. 151–166. См.: *Журова Л. Н. Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1. С. 178–200.*

¹⁴ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 178–205. Мы внесли в текст некоторые исправления, сообщенные нам Н. В. Синецкой по случаю выхода итальянского перевода этого текста под ред. М. К. Ферро и Ф. Ромоли (*Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005. С. 290–304*).

ского монашества и Савонароле. Н. В. Сеницына помещает этот текст между 30-ми и 40-ми гг.¹⁵ К 1540 г., возможно, восходят две речи об исправлении книг, которые монах написал, чтобы отвести от себя обвинения в искажении священных книг при переводе: «Инока Максима Грека слово ответательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плот Господня по воскресении из мертвых неописанна бысть» (далее — Первое слово об исправлении книг);¹⁶ «Инока Максима Грека слово ответательно о книжном исправлении списано худоумным иноком Максимом из Святыя горы» (далее — Второе слово об исправлении книг).¹⁷ К этому же периоду, видимо, относится и «Слово обличительное на эллинскую прелесть» (далее — Слово).¹⁸

Трудно определить, когда было составлено «Послание к некоему мужу поучительно на обѣту некоего латынина мудреца» (далее — Послание поучительное).¹⁹ Текст, не включенный в первый том, изданный Сеницыной, направлен против Луцидариуса (Lucidarius), энциклопедического сочинения латинского происхождения, но переведенного с немецкого.

Уже в небольших произведениях, которые мы упоминали, становится очевидно, что в сочинениях Максима Грека самую важную роль играет Священное Писание, являясь основным источником авторитетности (*auctoritas*) речи. Очевидное доказательство тому содержится во вступлении к Посланию к великому князю. Сразу после обращения Максим ссылается на «боговдохновенное писание», прямо цитируя отрывок из Послания Иакова (Иак. 1: 17) о божественном происхождении всякого дара: «Всяко даание благо и всякъ даръ съвершень свыше есть сходя от Отца свѣтом». Писатель дополнительно подтверждает мысль, обращаясь к Платону, и проясняет ее содержание, цитируя кодекс Юстиниана, в котором утверждается, что царство и священство — наивысшие дары Божьи. Для Максима Грека историческим воплощением царства и священства становятся Моисей и Аарон, как и другие ветхозаветные цари и священники, а также римские императоры и папы или константинопольские патриархи, к которым в свою очередь добавляются великий князь Иван и «митрополит всея Руси» Варлаам. В них, по мнению афонского монаха, исполняются пророчества, со-

¹⁵ *Sinicyna N. V. Massimo il Greco, Firenze, Savonarola // Giorgio La Pira e la Russia. Firenze, 2005. С. 287.*

¹⁶ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 60–79.

¹⁷ Там же. С. 79–92. Этими двумя речами занималась прежде всего А. С. Ковтун в своей книге о лексикографии (*Ковтун А. С. Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. Л., 1974. С. 48–64*). О вопросах датировки см.: *Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 154–155.*

¹⁸ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 1. С. 62–77. П. Бушкович обнаружил стихотворное сочинение, написанное по-гречески, того же афонского монаха, сопровождаемое письмом, датированным 1551/1552 г., которое предположительно могло бы явиться оригиналом этой речи. Сочинение принадлежало библиотеке гуманиста Иоанна Самбука (Joannes Sambucus, János Zsámboky, 1531–1584), ставшего историографом при венском дворе (*Бушкович П. Максим Грек — поэт «гипербореец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–240*). По мнению Д. М. Буланина, славянская версия будто бы восходит к концу 30-х или к началу 40-х гг. (*Буланин Д. М. Максим Грек, «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на эллинскую прелесть» // Там же. С. 230*).

¹⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 226–236.

держащиеся в псалме: «Яко истинна от земля въся и правда съ небесе прииче...» (Пс. 84: 12—14). Именно князь и митрополит доверили Максиму переводить Толковую Псалтырь.²⁰

В Повести афонский монах показывает первостепенную роль Священного Писания, превознося важность его знания и четко разделяя библейские и философские источники. Описывая личность и проповедническую деятельность Савонаролы, Максим подчеркивает его исключительное знание священных текстов и способность использовать их в проповедях:

Въ сей обители игумень бысть нѣкій священный инокъ, Иеронимъ званіемъ, латининъ и родомъ и ученіемъ, преполонъ всякіа премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго наказания сирѣчь философіи <...> Сей премногий разумомъ богодохновенныхъ писаній и болии божественною ревностью...²¹

И далее:

...и множайше инѣхъ во Иеронимѣ, иже на два часа, есть когда и больши стоя на сѣдалищѣ учительномъ видяшеса, изливая имъ струя учительна преобильно, не книгу держа и приѣмля отгуду свидетельства показательна своихъ словесъ, но отъ сокровища великіа его памяти, въ нейже сокровенъ былъ всякъ богомудренъ разумъ искусства святыхъ писаній.²²

Наряду со Священным Писанием он признает и важную роль святоотеческой мысли. В центральной части Послания великому князю содержится краткое, но исчерпывающее представление патристических комментариев к Толковой Псалтыри, новую церковнославянскую версию которой монах предлагает адресату.²³ Максим многое черпает из сокровищницы святоотеческой литературы, осознавая при этом недостаточное качество славянских переводов, имеющих в Московском княжестве. Критикуя распространение латинской культуры в Московии, Максим Грек утверждает в Послании поучительном, что «лучше книги Дамаскиновы», которые находятся в распоряжении русских, но добавляет «аще бы прямо преведена была и исправлена». Помимо сочинений Иоанна Дамаскина Максим Грек обращается также к сочинению Афанасия Великого «Томуса к антиохийцам» (Tomus ad Antiochenos).²⁴

Тем не менее, к трудам святых отцов, по его мнению, стоило относиться с определенной осторожностью, в первую очередь из-за их сложности в языковом плане, что затрудняло их перевод на славянский язык. Кроме того, требовался осмотрительный подход еще и потому, что часто сочинения отцов церкви содержали описания ересей (порой довольно подробные), с которыми авторы боролись. Именно поэтому Максим отказался от перевода труда Феодорита Кирского, который ему поручил сам митрополит Даниил, за что подвергся публичному порицанию во время первого процесса.²⁵ Такой мужественный выбор, который монах защищает на осно-

²⁰ *Преподобный Максим Грек. Сочинения.* С. 151, 153.

²¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 194—195.

²² Там же. С. 202.

²³ *Преподобный Максим Грек. Сочинения.* С. 155—162.

²⁴ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 227.

²⁵ Ср.: *Denissoff E. Maxime le Grek et l'Occident.* P. 232.

ве писания (Мф. 18: 7), доказывает независимость его суждений перед лицом церковных властей.²⁶

Таким образом, священные тексты являются наиболее авторитетными. В иерархическом порядке далее следуют патристические толкования к Священному Писанию, которые должны были пройти тщательный критический отбор. Ярким примером такого отбора стала оценка Луцидариуса в Послании поучительном, в толкованиях которого Максим Грек выносит окончательное суждение: «Ни того ни которое писаніе богодохновенное не знало, ни отеческое».²⁷

Иным является его отношение к эллинистической философии. С одной стороны, Максим Грек не отвергает философского учения, как мы это видели, когда речь шла о Савонароле. В своем Послании великому князю он даже цитирует Платона, «первого из внешних философов», толкователей священных текстов. Однако, чтобы оправдать упоминание Платона, он должен был предположить, что философ был «или от богодухновенных писаний научен, или от свѣта словесного, исперва въсажденного в челоѳчѣ естествѣ».²⁸ Но в основном Максим Грек сурово отвергает содержание книг античной культуры, которые не соответствуют христианскому преданию, сохраняя только риторическую форму, использовать которую, впрочем, он хорошо умел. Так, Максим Грек пишет в своем Слове:

Али не сицевихъ студныхъ повѣстей исполненіи суть, о мужіе, яже по васъ, книги преславныя, ихъ же аще кто красное ухищренное глаголаніе выскрѣ, далече ихъ вержетъ, тина гнусна покажутся предивны книги первыхъ вашихъ премудрыхъ мужей.²⁹

И в Послании поучительном продолжая говорить о Луцидариусе, подтверждает распространение на Руси «внешнего учительства», пришедшего с Запада:

Сіи вси отвѣти по вѣншей челоѳчестѣй мудрости проходить, а не по благочестивому ученію и преданію. Латыни, Георгие, много прельстилися вѣншими учительствы, и не подобаетъ вамъ внимати ихъ ученіемъ, ниже преводити ихъ на рускій языкъ...³⁰

В этом смысле Максим Грек прекрасно понимал, что западный гуманизм начал прокладывать новую дорогу в своем отношении к прошлому, поощряя интенсивную переводческую деятельность с греческого и распространяя знание этого языка, что позволяло обратиться к античной философии напрямую. Таким образом открывались новые культурные возможности, но вместе с этим поощрялось, по его мнению, опасное соединение

²⁶ Ср. по этому вопросу Послание о смирении, которое в последующем Максим Грек адресует митрополиту Даниилу (Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 2. С. 372–373).

²⁷ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 230.

²⁸ *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. С. 151–152. Ср.: *Hannick Ch. La réception de la culture antique dans les œuvres de Maxime le Grec // Forum MASSIMO IL GRECO, FIRENZE E L'UMANESIMO ITALIANO*. P. 339–348.

²⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 1. С. 75.

³⁰ Там же. Т. 3. С. 232.

с языческой философией в ущерб христианской традиции. Об этом ясно свидетельствует следующее суждение Максима Грека в Повести: «И латыне <...> соблазнилися, чюжа нѣкая и странна учения приводяще, отъ сущаго въ нихъ многоученнаго еллинскаго наказаніа прельщаеми...».³¹

Осуждение Максимом любой рационалистической мысли, которая мнит себя выше Писания или противоречит его авторитету, становится все более явным в Повести, когда Максим описывает Парижский университет. Если, с одной стороны, афонский монах одобряет открытую поддержку французской монархией университетского образования, то с другой — нет ни малейших сомнений в осуждении им всякого восхвалении человеческого разума, которое нарушает иерархический порядок авторитетов:

Паризія градъ есть нарочить и многочеловѣченъ въ Галліехъ, яже нынѣ глаголют-ся Франза держава велія и преславна и богатящи безчисленными благими, ихъ же первое и изрядное есть, еже о философскихъ и богословскихъ догматѣхъ, наказаніе же и тщаніе туне подаема всѣмъ вкупѣ рачителемъ сицевыхъ изрядныхъ учений. Казателемъ бо сицевыхъ учений оброки обильны даются во вся лѣта от царскихъ сокровищъ, по многому любочестію царствующаго тамо и егоже имать желанію о словесномъ художествѣ...³²

И далее продолжает:

Во всечестномъ убо градѣ семь бысть нѣкій мужъ много въ всякой премудрости внѣшней и еже по насъ священномъ богословіи учитель великій и первый сущихъ тамо казатели <...> Сей <...> растолкуя, якоже оному обычай, своимъ ученикомъ блаженнаго апостола Павла богословскія гласы, надмень бывъ мыслію отъ всельшагося въ немъ многоученаго разума, изыде велерѣчіе, по писанію рещи, отъ усть его, и глагола, не обинуяся: сицево богословное реченіе ниже самъ Павелъ возможе достизати и изъяснити, якоже азъ. Оле безумнаго оногo велеречія и дерзости и многолѣтнаго неразумія!³³

В связи с этим вопросом надо сделать отсылку к его сжатой критике якобы имеющегося превосходства силлогизмов над Священным Писанием, принятого на Западе, которую мы можем прочесть в «Инока Максима, слове обличительномъ отчасти латинскаго злословія, в немже и на альманака, иже возвелечавша, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемых губительнейша».³⁴ Столь же однозначным в этом сочинении является моральное осуждение некоторых представителей гуманистической культуры, например, Полициано, лекции которого он посещал во Флорентийской школе.³⁵ Однако в нашу задачу не входит рассмотрение отношения преподавателя Максима к западной культуре. Но стоит подчеркнуть, что комментарии западной философии сопровождаются у греческого писателя суровым моральным осуждением.

Максим Грек действительно обеспокоен тем, насколько широко распространилось в современном мире учение античности. В своем Слове мо-

³¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 203.

³² Там же. С. 179.

³³ Там же. С. 180—181.

³⁴ Там же. Т. 1. С. 457—484, особенно с. 461—462.

³⁵ Там же. С. 463.

нах открыто заявляет, что «лучше бы убо имъ было, аще безъ ученія отошли бы житія сего, нежели, многимъ научившись, наставникомъ быти ко всякой злобѣ всемъ слышателемъ своимъ».³⁶ Именно в этом Слове Максим Грек развивает сжатое сравнение между языческой мифологией и христианскими догмами, в которых «евангельская нелестная истина» противопоставляется «безбожной прелести».³⁷

Тем не менее, это суровое осуждение не исключает, как мы видели ранее, использование классических источников, и прежде всего риторики. Максим, следуя традициям византийской учености, не прерывает своей связи с наследием классиков.³⁸ Но отныне античная литература используется во славу Божию и для духовной пользы адресата, как говорит автор в своем Втором слове об исправлении книг.³⁹ Таким образом, становится понятно, почему афонский монах не избрал традиционную форму монашеского наставления, достаточно распространенного в России и более соответствующего его статусу, но сохранившего, в сущности, только оболочку традиционных риторических приемов. Максим предпочитает речь проповедника и апологета, прежде всего используя эпистолярную форму, способную воздействовать на эмоции адресата. Можно лишний раз вспомнить Савонаролу, чьи проповеди слушал молодой Михаил Триволис и под чьим влиянием, сразу после смерти первого, он вступил монахом в Сан Марко. Возможно, следовало бы более глубоко изучить риторическую форму сочинений Максима Грека, проанализировать прежде всего, как соотносятся цитаты из Священного Писания и патристики с использованием риторических приемов, восходящих к античной традиции.⁴⁰ Как бы то ни было, не вызывает сомнений искусство, с которым Максим пользуется литературными приемами, придерживаясь стилистики отцов церкви, чтобы убедить собеседника или читателя в *evangelica veritas* (евангельской истине).

Священное Писание и *auctoritas* (авторитетность) переводов

В деятельности Максима Грека в России центральное место занимают переводы священных текстов на церковнославянский язык. Споры, которые вызвали версии его переводов и которые стали причиной обвинитель-

³⁶ Там же. С. 76.

³⁷ Там же. С. 77.

³⁸ См. об этом страницы из работы Д. М. Буланина, посвященные классическим реминисценциям в произведениях Максима Грека (*Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Незданные тексты.* Л., 1984. С. 13–29). И. Шевченко справедливо подчеркивал, что даже в одном из последних писем, взывая о возвращении на свой любимый Афон, Максим Грек цитирует строки из «Одиссеи» (XV, 74) (*Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега: К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р. М. Шукурова.* М., 2009. С. 477–488).

³⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 87–88.

⁴⁰ Ср.: *Romoli F. L'Epistola al gran principe di Mosca Vasilij III sulla traduzione del Salterio commentato di Massimo il Greco fra retorica classica e prassi umanistica // Forum MASSIMO IL GRECO, FIRENZE E L'UMANESIMO ITALIANO.* P. 365–383.

ных вердиктов церковного суда (1525, 1531), вынудили афонского монаха защищаться от нападок в том, что он исправлял «священные книги». ⁴¹ Его взгляды и методологический подход к переводческому искусству, кратко изложенные уже в Послании к великому князю, ⁴² были расширены в Первом и Втором слове об исправлении книг.

Максим Грек предлагал исправлять перевод священных текстов и в целом литургических книг, которые были канонизированы многовековой традицией. По его мнению, речь шла не только о небольших изменениях неточностей, накопившихся за годы в результате небрежности и некомпетентности переписчиков, как предполагали в России, но исправлении целой серии ошибок, произошедших от недостатка знания и понимания оригинальных текстов со стороны самих переводчиков. ⁴³

Такая радикальная критика предшествующих переводов в ситуации, когда действующие версии завоевали авторитет, происходящий из многовекового использования в литургической практике, стала решительным разрывом с традицией, что вело к опасным последствиям, которые Максим Грек смог осознать только позднее. Свидетельство на процессе (1531) Михаила Медоварцева, который помогал в работе по пересмотру священных текстов, проводимому Максимом Греком, ярко демонстрирует благоговейное отношение к «священным книгам», преобладающим в России. Когда Максим попросил убрать пассаж, содержащий ошибки, переписчик буквально застыл от ужаса. Пришлось самому Максиму Греку удалить ошибочное место. ⁴⁴ Все это делало работу афонского монаха чрезвычайно деликатной.

Впрочем, те представители церковной иерархии, которые выбрали в прошлом альтернативную дорогу, создавая новые переводы или выпуская новые редакции, были более осторожны. К середине XIV в., возможно, митрополитом Алексием была создана новая версия Нового Завета, однако его сочинение осталось исключительно в личном пользовании. В конце XV в. архиепископ Геннадий переработал заново весь текст Библии на церковнославянском языке, но этот огромный труд никогда не был напечатан и пришлось ждать почти целый век, чтобы была напечатана на основе одного списка той рукописи так называемая Острожская Библия (1581).

В своих Словах Максим Грек осмеливался критиковать тех же авторов переводов (почивавших на лаврах святости) за непонимание греческого оригинала. ⁴⁵ Подчеркивая трудность перевода с греческого, афонский мо-

⁴¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 62.

⁴² *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. С. 162–164.

⁴³ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 2. Невозможно не остановиться на концепте «исправление книг», который пронизывает историю церковнославянского языка с самого происхождения и который стал фундаментальной проблемой в *Slavia orthodoxa* между XIV и XV вв., когда Россия приняла на себя роль преемника письменной традиции Афона. См.: Буланин Д. М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 3. С. 451–452.

⁴⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Под ред. Н. Н. Покровского, С. О. Шмидта. М., 1971. С. 106.

⁴⁵ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 62, 84.

нах прежде всего отличает их деятельность, которая могла содержать ошибки, от их святости, которую, естественно, Максим Грек не мог поставить под сомнение. Он пронизательно предлагает тонкое различие между формой перевода и намерением переводчика, различие изысканно философского и лингвистического порядка, что с трудом могло быть принято в России той эпохи.

Его образование и его опыт в Италии помогли ему осознать в первую очередь важность специальной подготовки для выполнения работы переводчика. По его мнению, было необходимо изучать грамматику, риторику и философию,⁴⁶ но была необходима и лингвистическая подготовка, требовавшая долгого обучения и хороших учителей. Греческий язык, с его точки зрения, настолько сложен, что только носитель языка, оснащенный необходимой подготовкой, был в состоянии воспринять в полной мере многозначность текста. Эта подготовка, полученная за годы обучения, не была только результатом человеческих усилий, но, с точки зрения богословской, полагалась даром Святого Духа.⁴⁷

Во Втором слове об исправлении, к написанию которого Максима Грека подтолкнули, возможно, возражения, обращенные к Первому, он углубляет болезненную тему. Он убежден в том, что мог бы взять на себя ответственность, чтобы исправить ошибки старых переводчиков, потому что получил особый дар Духа. Чтобы авторитетно обосновать свое мнение, афонский монах обращается к Священному Писанию. Вначале он напоминает получателю письма, вероятно, некоему епископу, притчу о талантах, в которой обвиняется тот, кто не использует по назначению божественный дар (Мф. 25: 14–30). Упомянув библейскую притчу, которая представляет собой повторяющийся топос в церковной литературе, Максим Грек прямо цитирует Евангелие от Матфея, критикуя поведение коварного слуги, который, воспользовавшись задержкой хозяина, плохо обращается с другими слугами и устраивает кутежи (Мф. 24: 48–49). Зададимся вопросом, не являются ли эти слова явным намеком на стиль жизни его гонителей и клеветников. Затем Максим Грек обращается к тем возражениям, которые, по-видимому, были сделаны его собеседником:

Велію, о человекѣ, досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешъ возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцомъ; они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови, и живуще, и по представленихъ, отъ него прославишася святынею и всяческихъ чудесь дѣйствомъ.⁴⁸

На это тяжелое обвинение афонский монах отвечает в первую очередь обращением к Первому посланию к Коринфянам (1Кор. 12: 7), в котором

⁴⁶ Там же. С. 62. Необходимость знания философии подчеркивается в Первой речи об исправлении книг, когда говорится об ошибке при переводе воскресного канона св. Фомы, которая касалась возможности «описати плоть Господня по воскресеній» (Там же. С. 68–69). Для определения «описания» Максим Грек делает недвусмысленное обращение как к теологам, так и к философам. В этой речи противники его толкования иронически называются толкованиями «чюдных философов» (Там же. С. 74) и с сарказмом монах ставит их «богословие» рядом с «баснословием» (Там же. С. 73).

⁴⁷ Там же. С. 80.

⁴⁸ Там же. С. 88.

апостол Павел распространяется о различии харизм и должностных обязанностях внутри христианской общины, подчеркивая, что «не всякому вся вкупѣ духовная дарованіа даются». ⁴⁹ Максим Грек признает, что русские святые чудотворцы обладали собственными особыми харизмами, и открыто заявляет о их почитании «аки вѣрнымъ Божіимъ угодникомъ», однако они не владели «языкомъ разумъ и сказаніе», которым владел он сам, будучи «грѣшенъ паче всѣхъ земнородныхъ». ⁵⁰

Предвидя реакцию читателя, Максим Грек объясняет, что нет ничего удивительного в этом обстоятельстве, ⁵¹ и обосновывает свои размышления, что некоторым образом ставило его на один уровень с русскими святыми прошлых эпох. Он предлагает ряд эпизодов, взятых из священных текстов и жизнеописаний, в которых отчетливо проявляется дух смирения, характеризующий святых, способных принять исправление и совет даже от идолопоклонников и грешников. В первую очередь он обращается к эпизоду с Моисеем, который охотно принял слова Иофора, своего тестя и языческого священнослужителя (Ис. 2: 16).

Чтобы подтвердить, что русским святым чудотворцам не будет нанесен никакой ущерб внесением исправлений в перевод священных книг, Максим Грек к аргументам из Священного Писания добавляет одно размышление исторического характера: епископы и святые мученики первых веков не получали никакого вреда от различных исправлений греческой версии Ветхого Завета, которые вносились последовательно от Симмаха, Феодота, Аквилы и Лукиана. В конце своих четко изложенных доводов в риторическом порыве греческий монах признает, что если он и ошибся в чем-либо, то «радъ есмь исправленію, не отрицаюся обличеній, изъ любви духовныя происходящихъ». ⁵²

Внимание современных комментаторов, анализирующих эти два Слова, обращено прежде всего на примеры, всегда последовательные и полные особого смысла, посвященные пониманию греческого текста. Именно греческий текст Максим Грек противопоставлял критике церковного суда, доказывая ошибочность церковнославянского перевода некоторых теологически насыщенных отрывков из священных текстов. Афонский монах предлагал ряд примеров на основе лексики и синтаксиса греческого языка, в свое время рассмотренных Ягичем и относительно недавно Ковтун. ⁵³

Если мы конкретно рассмотрим категории ошибок, которые Максим Грек выявляет в церковнославянской версии, то обнаружим те же катего-

⁴⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 89.

⁵⁰ Не забудем, что во время процесса 1531 г. Максим Грек был присоединен к Вассиану Патрикееву за критику «русских книг». Митрополит Даниил вложил в уста Митрополита Медоварцева это тяжкое обвинение: по мнению Вассиана и Максима Грека, «наши книги русские, переведены з греческих же книг» не были написаны «от Святаго Духа святыми апостолами и святыми отцы», но «от Диявала» (Судные списки Максима Грека. С. 105).

⁵¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 89.

⁵² Там же. С. 91–92.

⁵³ Ягич В. Рассуждения южнославянской и русской старыны о церковно-славянском языке. *Codex slovenicus rerum grammaticarum*. Berlin, 1896. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси.

рии, о которых размышляли гуманисты в их филологических трудах. Мы провели первую проверку на основе так называемого Подложного дара Константина («Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина») Лоренцо Валлы,⁵⁴ но было бы еще более важно рассмотреть переводоведческие размышления Анжело Полициано, который был учителем молодого Михаила Триволиса во Флорентийской школе. В будущем мы рассмотрим эту тему более углубленно. Необходимо было бы изучить внимательнее деятельность Максима Грека как переводчика в России, имея в виду тот факт, что он получил образование во Флоренции, и учитывая его опыт переписчика, переводчика и редактора в Италии. В одной из своих последних работ И. Шевченко совершенно справедливо писал об этом: «Сегодня, зная, как формируется мировоззрение личности, мы могли бы сказать, пользуясь компьютерным языком, что Максим прибыл на Афон, будучи уже человеком, запрограммированным ренессансным Западом. Он восхвалял выдающиеся личности своей новой среды теми методами и приемами, которым он научился до встречи со своим новым миром».⁵⁵

Во всяком случае, Максим Грек отдавал себе отчет в том, что для русского читателя оставались неизвестными или запутанными многие реалии, которым были посвящены тексты, что делало их темными и непонятными. Вот почему, вместо того, чтобы переводить новые произведения из традиционной патристики, Максим Грек предпочитает переводить на славянский и перерабатывать некоторые части из Лексикона Свиды, византийская лексика которого содержала много полезной информации, начиная со сведений об этимологии.⁵⁶ Именно из изучения славянской лексикографии родилось его «Толкование именам по алфавиту». В его представлении перевод и исправление книг не было только технической работой, но являлось выдающимся теологическим произведением, которое создавалось «прилѣжнѣ и всякимъ вниманіемъ и божіимъ страхомъ и правымъ разумомъ».⁵⁷ На практике эта деятельность оказывается связана в том, что касается священных текстов, с тщательным библейским толкованием, как это показывает пример исправления отрывка (Деян. 17: 22).⁵⁸ Навыки перевода естественно были необходимы, но, по мнению Максима Грека, они должны были накладываться на «мозги», ведомые знанием.

Заключение

В таком взгляде на переводческое искусство содержится, возможно, подлинное ядро для понимания всей деятельности Максима Грека в России. С точки зрения московской власти, его переводы должны были представлять только механическое переложение, доводящее до блеска совер-

⁵⁴ *Lorenzo Valla. La falsa donazione di Costantino. Milano, 1994, passim.*

⁵⁵ *Шевченко И. Четыре мира... С. 482.*

⁵⁶ *Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека.*

⁵⁷ *Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 3. С. 62.*

⁵⁸ Там же. С. 85.

шенство первых переводов. Максим Грек несколько иначе понимал свою деятельность, рассматривая «исправления» в более широкой перспективе, не только в переводах, но и распространяя их на всю монашескую и церковную жизнь России. И здесь опять в глубине возникает фигура Савонаролы и его проект по превращению Флоренции в Новый Иерусалим. Деятельность Максима Грека как переводчика выводила понятие «исправления» за рамки его работы над текстами и переносила его на традиции, обряды, имея в виду обновление христианства в России возвращением к настоящим византийским корням. Невозможно искусственно отделить его работу переводчика от его реформаторской деятельности. Оставаясь в целом за рамками диатрибы между поборниками гуманистического влияния на Максима и защитниками его ортодоксального православия, мы должны признать, что его пребывание во Флоренции XV в. среди открытий античного мира и христианского обновления наложило глубокий отпечаток на его личность. Фигура Максима Грека в таком случае тесно связывается с эпохой перехода от Средневековья к Новому времени, которое, пусть и в разной степени, затронуло Европу в целом.